

*АНТОНЯН Артур Романович, аспирант кафедры философии религии и религиоведения Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). Автор 8 научных публикаций, в т. ч. одного учебного пособия**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3047-8609>

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ПЕЛАГИЯ И ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКОГО: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В данной статье проводится сравнительный анализ антропологических позиций британского монаха Пелагия и нидерландского гуманиста XVI века Эразма Роттердамского. Раскрываются общие мотивы формирования их постулатов о духовных возможностях человека: эти постулаты схожи и имеют одинаковую основу возникновения. При анализе богословских концепций Пелагия кратко рассматриваются антропологические взгляды его главного оппонента по данному вопросу – Аврелия Августина. Также в работе дана характеристика теологическим построениям немецкого реформатора Мартина Лютера, открыто выступавшего против некоторых философских идей Эразма Роттердамского. Показано, что, несмотря на внешнюю схожесть антропологических постулатов Эразма с доктринами Пелагия, позиция нидерландского гуманиста все же находится в русле католической ортодоксии. Автор приходит к выводу о том, что обвинения, которые Лютер выдвигал против роттердамского мыслителя, называя его последователем «пелагианской ереси», не вполне корректны. Актуальность настоящей статьи обусловлена тем, что среди множества христианских конфессий до сих пор нет единого взгляда на природу человека и его роль в деле спасения. Доктринальные вопросы христианского богословия, рассмотренные автором, остаются предметом горячих споров среди евангельских христиан арминианского и реформатского направлений. Цель данной работы заключается в оценке степени влияния пелагианских идей на философское творчество Эразма Роттердамского. Научная значимость состоит в том, что пелагианская концепция так называемого антропологического оптимизма, которая периодически возрождалась в истории христианской церкви и приводила к ожесточенным дебатам, остается малоизученной в отечественной религиозно-философской литературе.

Ключевые слова: *Аврелий Августин, Эразм Роттердамский, предопределение, первородный грех, пелагианство, свобода воли.*

*Адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42; e-mail: pravoslavie-art@mail.ru

Для цитирования: Антонян А.Р. Антропологические концепции Пелагия и Эразма Роттердамского: сравнительный анализ // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 6. С. 86–94. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.86

В истории христианской мысли споры относительно естественного состояния и возможностей природы человека возникали не раз. Первая крупная полемика по указанному вопросу развернулась в начале V столетия между британским монахом Пелагием и епископом города Гиппона Аврелием Августином. В противовес Августину, учившему о безнадежно поврежденной человеческой природе, Пелагий выдвинул свою концепцию так называемого антропологического оптимизма. Суть данной доктрины сводится к тому, что природа каждого человека обладает огромной волевой потенцией, которая дает возможность свободного выбора в деле духовного совершенствования и спасения. Каждый человек может свободно выбирать между добром и злом, праведностью и пороком.

Антропология Августина, которая окончательно сформировалась именно в ходе дебатов с британским монахом и его последователями, напоминала стоическую фаталистическую концепцию, проникнутую глубоким пессимизмом и детерминизмом. Согласно Августину, люди, пребывая в своем нынешнем состоянии, являются нравственно бессильными. Это состояние духовной неполноценности возникло в результате первородного греха (*peccatum originale*), который безнадежно повредил человеческую природу и сделал каждого человека виновным перед Богом.

Августинианское учение о первородном грехе как о силе, полностью сковывающей волю и благие побуждения человека, исключает для людей всякую возможность самостоятельного духовного роста. Все человечество в результате грехопадения безнадежно повреждено, т. е. находится в состоянии так называемой богооставленности. В связи с этим, по мысли Августина, не только добродетельная христианская жизнь, но даже сама вера в Бога возникает в людях лишь как следствие внешнего воздействия божественной благодати. Человек в деле своего спасения абсолютно пассивен. В письме к римскому священнику Сиксту Августин пишет об этом: «...без Духа веры никто не сможет надлежащим образом уверовать» [1, с. 108]. Также в трактате «О предопределении

святых» он однозначно утверждает, что все благие «воления людей предваряются Божией благодатью...» [1, с. 322].

Благодать же, которая спасает человека, является безвозмездным даром, распределяемым исключительно лишь по божественному усмотрению. Такой дар нельзя считать закономерным итогом какой-либо заслуги, т. е. никакие добродетельные поступки не могут быть названы основополагающими для его приобретения. Бог наделяет этим даром лишь тех, кого он сам предопределил к вечному спасению. Американская исследовательница Ревека Уивер пишет, что в сотериологической концепции Августина личные желания и усилия человека не играют никакой роли [2, с. 50].

Пелагий яростно протестовал против такой оценки человеческих возможностей. Для него учение о первородном грехе – выдумка Августина, но никак не учение Церкви. Британский монах уверен, что грех первого человека Адама лишил праведности самого Адама, но это деяние не распространяет свое губительное действие на последующие поколения людей. Каждый человек, по его мнению, рождается в состоянии первозданной праведности, которая не отягчена пороками и прегрешениями предшествующих ему поколений. Следовательно, люди несут ответственность только за свои личные грехи и не отвечают за грехи предков.

Если Августин учил о порабощенной воле, то Пелагий, полемизируя с ним, утверждал противоположное: «...Господь пожелал, чтобы человек добровольно следовал праведности, а не принудительно, и потому оставил его на его собственную волю» [3]. В акте творения человек, по мысли Пелагия, получил от Бога неотъемлемые дары, которые стали частью его естества. Поэтому неуничтожимой данностью всех людей являются ум (*ratio*) и благоразумие (*prudentia*), «чтобы разумом и силою мысли, коими он [человек] превосходит прочих животных, он один из всех познавал Творца и служил Ему...» [3]. Никакая сила не способна отнять у человека свободу, дарованную ему Богом.

Британский монах абсолютно уверен, что именно эта свобода человека выступает основанием для той ответственности, которую Творец возложил на всех людей. Августина же он обвиняет в том, что тот своим учением о немощной человеческой природе пытается сгладить всю остроту моральной ответственности за дурные поступки. По мнению Пелагия, результатом такого потворства греху, который якобы поработил человеческую волю, неминуемо будет нравственно распущенная жизнь, что непосредственно и наблюдал британский монах, находясь в окружении современного ему римского общества. Многие историки христианской церкви сходятся во мнении, что в среде римских христиан к тому времени уже наблюдались упадок нравов и беспечность в отношении соблюдения религиозных предписаний.

А.М. Кремлевский выражает позицию Пелагия по данному вопросу в следующих словах: «Если грех коренится в природе человека, то напрасны все усилия бороться с ним: мысль о неизбежности и непреодолимости греха совершенно парализует нравственную энергию человека» [4, с. 31]. Действительно, человек не может бороться со своей природой, потому вполне логично, что любые нравственные усилия в этом случае сводятся к нулю.

В письме к Деметриаде Пелагий внушает своей подопечной принять мысль о том, что любая добродетель для человека вполне осуществима, иначе библейский призыв к праведной жизни был бы абсолютно бесполезен: «...нет никакой пользы привлекать к тому, что считается недостижимым» [3]. Человек никогда не станет на путь добродетельной жизни, если не будет иметь в себе уверенности, что он вполне способен осуществить желаемое, «потому что отчаяние в достижении желаемого парализует всякую попытку к деятельности» [3].

Концепция Пелагия действительно не лишена определенного смысла, т. к. справедливость воздаяния неминуемо обуславливается наличием способности свободного, т. е. сознательного, выбора. По мнению британского монаха, августинова детерминированность

воли никак не может совмещаться с понятием о божественной справедливости. Если Бог призывает к тому, что заведомо для человека невыполнимо, то ни о каком заслуженном (справедливом) воздаянии не может быть и речи. Доктрина Августина о духовной пассивности человека видится Пелагию кощунственной и недостойной звания христианской догмы.

Началом духовного подвига Пелагий считает познание своих сил и возможностей. Познавая себя, человек обнаруживает «тайные богатства» своей природы и неиссякаемые «сокровища души» [3]. Это познание дает необходимую уверенность в достижении духовных высот. Вопреки учению Августина о первородном грехе Пелагий учит, что человеческая природа – благая и непорочная сама по себе, поскольку создана по образу и подобию Бога [3]. Даже святость, по мнению британского монаха, является частью человеческого естества: «В душах у нас есть некоторая природная святость, которая, пребывая как бы во внутреннем святилище духа, совершает суждение о добре и зле» [3]. Пелагий уверен, что оценивать деяние как злое или благое может каждый человек, причем вполне самостоятельно, опираясь на ту «природную святость», которая присуща его естеству. В связи с этим стремление к познанию Бога может осуществляться человеком вполне свободно и сознательно.

В своем трактате Пелагий пишет о разумной душе, способной свободно и самостоятельно выбирать между добром и злом: «Бог... сделал так, что человек приобретает то, что хочет; как способный к добру и злу он по природе может достигать того и другого и склонять волю к тому и другому» [3]. Познав духовные возможности своего естества, каждый человек, согласно Пелагию, должен реализовать свой природный потенциал в соблюдении божественных заповедей. В этом и состоит смысл жизни христианина.

Можно заметить, что в пелагианских концепциях божественная благодать не играет той исключительной роли, какую ей отводил в своих постулатах Аврелий Августин. Для Пелагия

благодать – это не сверхъестественная сила, а те естественные способности, которые Бог даровал человеку при сотворении и которые неизменно пребывают во всех людях. На страницах своего трактата британский монах фактически ничего не пишет о том, какую роль должен играть Бог в деле спасения человека. Его концепцию с полной уверенностью можно назвать антропоцентричной. Все внимание здесь сконцентрировано на «красоте разумной души» человека и ее способностях. Богу в таких доктринальных построениях отводится место далекой абстрактной цели, к которой человек стремится вполне самостоятельно, полагаясь на силы своего естества.

В отличие от пессимистических концепций Августина пелагианские антропологические постулаты не были чем-то новым и необычным для христианства. Многие аскетические положения британца по своему содержанию были вполне созвучны монашескому уставу духовной жизни. В связи с этим предестинационистская доктрина Августина, которая являлась закономерным следствием его антропологии, вызвала гораздо больше недоумения среди верующих людей, нежели нравственно-назидательные увещания Пелагия.

Церковь, осудив на Оранжевом соборе (529 год) постулаты Пелагия и приняв по многим пунктам сторону Августина, так и не смогла согласиться с некоторыми крайностями учения Гиппонского епископа. Августинизм был принят западной церковью с некоторыми оговорками. Усваивая в общем и целом учение Августина о первородном грехе, церковь попыталась избежать тех фаталистических выводов, которые Августин сделал исходя из своей доктрины. В частности, собор обошел молчанием его доктрину о предопределении.

Спустя тысячелетие богословские идеи британского монаха и Гиппонского епископа нашли новое воплощение в доктринальных положениях некоторых европейских гуманистов и реформаторов.

Одним из самых ярких представителей гуманистического течения XVI столетия является

нидерландский мыслитель Эразм Роттердамский, вступивший в открытую конфронтацию с лидером реформационного движения Германии – Мартином Лютером. В 1524 году Эразм пишет свою знаменитую диатрибу «О свободе воли», которая была направлена против богословских построений Лютера, в особенности его доктрины о предопределении.

Немецкий реформатор, считая себя прямым наследником богословских идей Августина, пытался возродить августинианскую антропологическую модель, постулирующую полную поврежденность человеческой природы и, как следствие, невозможность человека занимать активную позицию в деле своего оправдания перед Богом и спасения. Так же как и Августин, Лютер полагал, что человек совершенно не способен предпринять какие-либо усилия для изменения своей жизни в лучшую сторону и тем самым приблизиться к Богу. Один из лозунгов немецкой Реформации – *Sola gratia* – как нельзя ярко иллюстрирует позицию протестантов по данному вопросу: человека спасают не его личные заслуги, а лишь божественная благодать. Британский исследователь Алистер Макграт считает, что пессимистический взгляд на природу человека в богословии Лютера сформировался благодаря глубокому изучению сочинений Августина [5, p. 177].

Вступая в борьбу с доктринами католицизма об индульгенциях, сверхдолжных заслугах святых, чистилище и т. п., Лютер обвиняет господствующую церковь в том, что она стала чрезмерно полагаться на свои силы и возможности, забыв учение почитаемого всеми Августина. Нападкам Лютера противостояла не только официальная церковь, но и многие просвещенные люди того времени, среди которых можно особо выделить Эразма Роттердамского.

Основным мотивом диатрибы Эразма является идея того, что человек свободен в своих нравственных или безнравственных устремлениях. Эта свобода служит незыблемой основой для вынесения справедливого божественного приговора людям, т. е. поощрения праведников и наказания грешников. Эразм считает,

что каждый человек наделен от Бога определенными способностями, которые дают ему возможность свободно ориентироваться в вопросах духовности и нравственности. Поэтому каждый человек несет личную ответственность за свои поступки.

Подобные антропологические представления нидерландского гуманиста являются традиционным продолжением позднесредневековых схоластических постулатов, где значительная роль в деле спасения отводилась человеческим возможностям. Анализируя диатрибу, легко заметить, что взгляд Эразма сконцентрирован по преимуществу на человеке и его свободных действиях. Приводя множество цитат из Библии, нидерландский философ преподносит свои идеи как вполне логичные и ортодоксальные. Детерминистскую же позицию Лютера он объявляет глупой и нелогичной.

Историк церкви Филипп Шафф говорит о том, что нидерландский мыслитель «симпатизировал антропологии греческих отцов церкви и полупелагианской школе» [6, с. 262]. Действительно, рассуждая о возможностях человека, Эразм выводит концепцию, которая по внешнему виду напоминает пелагианскую антропологическую доктрину. Так же как и Пелагий, он подчеркивает в своем трактате значимость личных усилий человека, оставляя за людьми способность свободного нравственного самоопределения. Эразму была чужда августианская идея божественного предопределения, которую он считал крайне безнравственной. В связи с этим неудивительно, что Лютер, занимавший, как он сам полагал, позицию строгого августинизма, обвиняет своего оппонента в пелагианстве. По мнению немецкого реформатора, Эразм в своих еретических суждениях «далеко превосходит и пелагиан» [7, с. 425]. Данные обвинения не лишены оснований, т. к. по основным пунктам антропологическая позиция нидерландского философа действительно близка к пелагианским постулатам.

В глазах Лютера – строгого августианинца – Эразм, учивший о свободе и независимости человека, представал как несомненный еретик,

злонамеренно завышавший человеческие возможности в ущерб божественной благодати и божественному всевластию. В ответ на диатрибу нидерландца он пишет трактат «О рабстве воли» – прямую антитезу сочинению Эразма. В этом трактате Лютер упрекает Эразма в некомпетентности по богословским вопросам: «Я же полагаю, что существуют такие легковерные проповедники, которые... от неумения молчать с превеликой легкостью мелют всякую чушь» [7, с. 205]. Чепухой, по его мнению, является убеждение Эразма в том, что человек может быть предоставлен сам себе. Немецкий реформатор уверен, что любой человек всегда находится под влиянием определенных сил. Избранные Богом к спасению руководимы божественной благодатью, все же остальные находятся в дьявольском обольщении. Но ни один человек не свободен, поэтому и не предоставлен самому себе.

Следуя Августину, Лютер абсолютно убежден в том, что «мы все совершаем по необходимости, а не по свободной воле, потому что сила свободной воли – это ничто, она ничего не может, если нет Божьей благодати, она не способна ни на какое добро» [7, с. 219]. В этих строках явно прослеживается влияние августианских идей, которые завладели немецким теологом задолго до его открытой реформаторской деятельности.

Полемизируя с Лютером, Эразм показывает неприятие августианской идеи о полной порабощенности человеческой воли. Ему чужда мысль о том, что человек не способен своими силами исполнять божественные заповеди. В диатрибе Эразм выстраивает свою позицию на точно таких же логически выверенных рассуждениях, как и Пелагий в споре с Августином: «Разве не бессмысленны все известные заповеди Христовы, если человеческая воля не имеет никакой силы?» [8, с. 244]. Для Эразма, как и для Пелагия, божественный закон, постулирующий соблюдение нравственных норм, становится актуальным лишь в том случае, если за человеком признается возможность свободного произволения. Отечественный

исследователь М.М. Смирин пишет, что вопрос о свободе воли для нидерландского гуманиста является одним из основных вопросов его мировоззрения, на котором строятся многие доктринальные положения Эразма [9, с. 39].

Так же как и Пелагий, Эразм заявляет, что разум человека «освещается природным светом, который присущ всем, хотя и не в равной мере...» [8, с. 232]. Концепция о природном свете (*lux nativa*) как общем достоянии всех людей дает нидерландскому философу основание утверждать, что воля, хотя и «затемнена грехом, но не погашена» [8, с. 231]. Возможность познавать Бога естественным разумом и устремление к благу выступают неотъемлемой данностью каждого человека.

В отличие от Лютера и Августина Эразм не считает, что грех обладает непреодолимой силой, влекущей человека к гибели, поэтому даже в нынешнем падшем состоянии «дурное движение души можно преодолеть» [8, с. 238]. Разум, по мнению нидерландца, не утратил нравственной ориентации. Отсюда следует, что человек остается свободным в выборе добра и зла. Свободную волю он понимает как «силу человеческого желания, при помощи которой человек может приблизиться к тому, что ведет к вечному спасению, или же отворотиться от него» [8, с. 230].

Можно без преувеличения сказать, что философское творчество Эразма Роттердамского в основных своих чертах антропоцентрично и поэтому во многом схоже с позицией Пелагия. Предпосылки для этических учений британского монаха и нидерландского гуманиста, несмотря на хронологическую разницу в тысячелетие, были до некоторой степени одинаковы. Эразм, как и Пелагий, был сильно обеспокоен нравственным упадком в среде современного ему духовенства и мирян. Фаталистические концепции о безнадежно порабощенной грехом человеческой природе обоим казались сугубо вредными, т. к. навевали пессимизм и индифферентное отношение к личному духовному совершенствованию.

Тем не менее необходимо поставить вопрос: насколько прав Мартин Лютер, называя своего

оппонента последователем «пелагианской ереси»? Несмотря на явную схожесть эразмианских утверждений с некоторыми пелагианскими постулатами, мы не можем назвать нидерландского философа прямым наследником идей британского монаха, т. к. по ряду пунктов их мнения все же значительно расходятся.

Главным отличием от позиций Пелагия является то, что Эразм не отрицает наличия в человеке первородного греха. Несмотря на то, что, по его словам, «значение первородного греха чрезвычайно преувеличивают» [8, с. 284], нидерландский гуманист, оставаясь в рамках христианской традиции, соглашается с тем, что человек в своем нынешнем нравственном статусе находится на более низком уровне, нежели до грехопадения. Люди, по его мнению, не являются абсолютно свободными в своих духовно-нравственных устремлениях.

Следуя некоторым постулатам, сформулированным еще Августином, Эразм также соглашается и с тем, что поврежденная грехом природа имеет склонность более к порочным поступкам, нежели к добрым деяниям. Однако же «склонность к злу, которая есть у большинства людей, не лишает полностью свободной воли, даже если эту склонность нельзя победить без помощи Божьей благодати» [8, с. 262].

В теологических концепциях Эразма божественная благодать имеет несравненно большее значение, чем в доктринах Пелагия. Вопреки учению британского монаха Эразм уверен, что человек, предоставленный самому себе, не сможет постоянно держаться «правильного жизненного пути без Божьей благодати» [8, с. 264]. Поэтому он прямо заявляет, что «Пелагий, озабоченный Божьей справедливостью, приписывал свободной воле больше чем достаточно» [8, с. 279]. Тем не менее, по мнению Эразма, британский монах вовсе не является еретиком. В пелагианских постулатах он усматривает хороший педагогический материал. Эразм абсолютно убежден, что Пелагий и его сторонники, «дав человеку добрую надежду на достижение спасения, хотели призвать его [человека] к усилению» [8, с. 279]. Американский теолог

Миллард Эриксон поддерживает позицию Эразма по этому вопросу, полагая, что Пелагий «стремился сделать жизнь людей как можно более добродетельной...» [10, с. 771].

Естественно, открыто выступать защитником Пелагия, которого христианская церковь осудила как еретика, Эразм, по известным причинам, не мог. В связи с этим на страницах своей диатрибы роттердамский мыслитель проводит аккуратную апологию некоторых пелагианских постулатов, показывая их логическую обоснованность и актуальность. В частности, Эразм не считает, что Пелагий повредил своими доктринальными построениями христианское учение о человеке. По мысли Эразма, британский монах всего лишь выступал защитником нравственного образа жизни, отсутствие которого некоторые пытались оправдать идеями о безнадежно поврежденной человеческой природе.

Диатриба дает возможность увидеть, насколько искусно нидерландский гуманист пытается уйти от крайностей как августинизма, так и пелагианства. Ему в одинаковой мере чужды как августинианская доктрина о тотальном порабощении грехом человеческой природы,

так и пелагианская идея об абсолютно свободной и независимой воле. Нахождение так называемого срединного пути между этими двумя крайностями и есть, по Эразму, подлинное христианство.

Теологическая позиция Эразма Роттердамского, несмотря на некоторое созвучие с пелагианскими построениями, является вполне ортодоксальной, т. е. соответствующей учению Католической церкви, которая к тому времени была в равной степени отстранена как от фатализма Августина, так и от пелагианской концепции «антропологического оптимизма». Обвинения же Мартина Лютера в адрес Эразма построены на его личном убеждении, что все католичество, внешне продолжая чтить Августина как великого святого, на деле отреклось от него и ступило на путь пелагианства. Рассматривая католическую догматику через призму августинианских идей, Лютер приписывал ей все пороки «пелагианской ереси». Поэтому претензии немецкого реформатора к Эразму – это в какой-то степени недовольство католической искупительной системой в целом, а не личный упрек нидерландскому философу.

Список литературы

1. *Августин Аврелий*. Антипелагианские сочинения позднего периода / пер. с лат., примеч. Д.В. Смирнова. М.: АС-ТРАСТ, 2008. 478 с.
2. *Уивер Р.Х.* Божественная благодать и человеческое действие: исследование полупелагианских споров / пер. А.В. Кырлежев, ред. А.Р. Фокин. М.: Центр библейск.-патрол. исслед. отдела по делам молодежи Рус. правосл. церкви: Имперіум Пресс, 2006. 336 с.
3. *Пелагий*. Послание к Деметриаде. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/Article/Pelag_Posl.php (дата обращения: 26.12.2019).
4. *Кремлевский А.* История пелагианства и пелагианская доктрина. СПб.: Аксион эстин, 2009. 302 с.
5. *McGrath A.* The Intellectual Origins of the European Reformation. Second Edition. Malden: Blackwell Publishing Ltd, 2004. 290 p.
6. *Шафф Ф.* История Христианской Церкви: в 8 т. Т. 7. Современное христианство. Реформация в Германии / пер. с англ. О.А. Рыбакова. СПб.: Библия для всех, 2009. 464 с.
7. *Лютер М.* Избранные произведения / пер. и коммент. К.С. Комарова, Ю.А. Голубкина, Ю.М. Кагана. 2-е изд. СПб.: Андреев и согласие, 1994. 427 с.
8. *Эразм Роттердамский*. Философские произведения / пер. с лат. и коммент. Ю.М. Кагана, отв. ред. В.В. Соколов. М.: Наука, 1986. 704 с.

9. Смирин М.М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии. М.: Наука, 1978. 236 с.
10. Эрикссон М. Христианское богословие. СПб.: С.-Петербург. христ. ун-т. Библия для всех, 1999. 1088 с.

References

1. St. Augustine of Hippo. *Antipelagianskie sochineniya pozdnego perioda* [Anti-Pelagian Works of Later Period]. Moscow, 2008. 478 p.
2. Weaver R.H. *Divine Grace and Human Agency: A Study of the Semi-Pelagian Controversy*. Maco, 1996. 264 p. (Russ. ed.: Uiver R.Kh. *Bozhestvennaya blagodat' i chelovecheskoe deystvie: issledovanie polupelagianskikh sporov*. Moscow, 2006. 336 p.).
3. Pelagius. *Poslanie k Demetriade* [Letter to Demetrius]. Available at: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/Article/Pelag_Posl.php (accessed: 26 December 2019).
4. Kremlevskiy A. *Istoriya pelagianstva i pelagianskaya doktrina* [The History of Pelagianism and Pelagian Doctrine]. St. Petersburg, 2009. 302 p.
5. McGrath A. *The Intellectual Origins of the European Reformation*. Malden, 2004. 290 p.
6. Schaff P. *History of the Christian Church. Vol. 7. Modern Christianity: The German Reformation*. Grand Rapids, 1994 (Russ. ed.: Shaff F. *Istoriya Khristianskoy Tserkvi. T. 7. Sovremennoe khristianstvo. Reformatsiya v Germanii*. St. Petersburg, 2009. 464 p.).
7. Luther M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. St. Petersburg, 1994. 427 p.
8. Erasmus of Rotterdam. *Filosofskie proizvedeniya* [Philosophical Works]. Moscow, 1986. 704 p.
9. Smirin M.M. *Erazm Rotterdamskiy i reformatsionnoe dvizhenie v Germanii* [Erasmus of Rotterdam and the Reformation Movement in Germany]. Moscow, 1978. 236 p.
10. Erickson M.J. *Christian Theology*. Grand Rapids, 1983–1985. 1274 p. (Russ. ed.: Erikson M. *Khristianskoe bogoslovie*. St. Petersburg, 1999. 1088 p.).

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.86

Artur R. Antonyan

Southern Federal University;
ul. Bol'shaya Sadovaya 105/42, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3047-8609> e-mail: pravoslavie-art@mail.ru

THE ANTHROPOLOGICAL CONCEPTS BY PELAGIUS AND ERASMUS OF ROTTERDAM: A COMPARATIVE ANALYSIS

This article presents a comparative analysis of the anthropological positions of the British monk Pelagius and the 16th-century Dutch humanist Erasmus of Rotterdam. The paper aimed to assess the degree of influence of Pelagian ideas on Erasmus' philosophical works. In addition, it demonstrates the common points of their theological doctrines. During the analysis of Pelagius' theological concepts, the anthropological views of his main opponent on the issue – St. Augustine of Hippo – were considered. Further, the article analyses the theological constructions of the German reformer Martin Luther, who openly opposed some of Erasmus' philosophical ideas. It is shown that, in spite

For citation: Antonyan A.R. The Anthropological Concepts by Pelagius and Erasmus of Rotterdam: A Comparative Analysis. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 6, pp. 86–94. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.86

of the seeming similarity between Erasmus' anthropological postulates and Pelagius' doctrines, the former keeps in line with Catholic orthodoxy. The author concludes that the accusations of being a follower of the "Pelagian heresy" brought against Erasmus by Martin Luther are rather unreasonable. The relevance of this article lies in the fact that the numerous Christian denominations still lack a shared view on human nature and man's role in salvation. Doctrinal issues of Christian theology discussed in the article remain the subject of heated debate among Arminian and reformed evangelical Christians. Moreover, this paper is of scientific importance due to the fact that the Pelagian concept of so-called anthropological optimism, which has from time to time been revived in the history of the Christian Church and provoked fierce debate, remains insufficiently studied in Russian religious and philosophical literature.

Keywords: *St. Augustine of Hippo, Erasmus of Rotterdam, predestination, original sin, Pelagianism, free will.*

Поступила: 16.02.2019

Принята: 25.09.2019

Received: 16 February 2019

Accepted: 25 September 2019